

ПАМЯТИ КОЛЛЕГ

УДК 1(09)

ВОСПОМИНАНИЯ О Ю.Р. ЗАКГЕЙМЕ¹

С.Н. Корсаков

ФГБУН «Институт философии Российской академии наук», г. Москва

Юдель Рувимович Закгейм – один из советских философов. Работал в Московском университете. Доцент кафедры истории и философии естествознания. В 1936 г. был репрессирован и расстрелян. Впервые публикуются воспоминания сына философа А.Ю. Закгейма.

Ключевые слова: *Ю.Р. Закгейм, история философии, Московский университет, сталинизм.*

Когда недавно был введён курс истории и философии науки, а многие кафедры были соответствующим образом переименованы, никто уже не помнил, что в 1925–1936 гг. в МГУ существовала общеуниверситетская кафедра истории и философии естествознания, которой заведовал сначала А.А. Максимов, а затем И.П. Роцен. На кафедре работали специалисты в области философии математики (С.А. Яновская), философии астрономии (В.И. Шафиркин), философии физики (Б.М. Гессен, А.О. Апирин), философии химии (И.П. Роцен, Б.Н. Выропаев), философии биологии (М.Л. Левин, С.Я. Турецкий, Б.П. Бархаш, П.П. Бондаренко). И.П. Роцен превратил кафедру в островок подлинно научной философии, сознательно принимая на работу философов, подвергшихся публичному идеологическому шельмованию. Кафедра занималась не поисками врагов, а историей и философией естествознания. Не случайно почти весь состав кафедры был в итоге репрессирован.

На этой кафедре работал и специалист по философии биологии Юдель Рувимович Закгейм. Он родился 5 (18) сентября 1898 г. в Витебске в семье коммивояжёра. В семье были ещё две сестры. Учился в Витебске, затем после эвакуации в связи с военными действиями – в Самаре, где в 1918 г. окончил гимназию. В Самаре он с сентября 1916 г. начал работать библиотекарем в Еврейской библиотеке. Одновременно он стал участвовать в социалистических кружках учащейся молодёжи.

В июне 1918 г. он был мобилизован рядовым в белую армию Самарского Комуча (Комитета Учредительного собрания). В октябре 1918 г. Народная армия Комуча была разбита и Самара занята красными. В ноябре 1918 г. Ю.Р. Закгейм вступил в Красную Армию, где про-

¹ При поддержке РГНФ. Проект № 15-03-00244 «Институт философии РАН в период сталинизма».

служил до февраля 1920 г. Последняя его должность в РККА – зав. библиотечной секцией политотдела Упразформа (Управление формирования, иначе говоря, мобилизационное управление) Туркестанского фронта. В апреле 1919 г. в Самаре он вступил в РСДРП интернационалистов, вместе с которыми в декабре 1919 г. перешёл в РКП(б). В 1920 г. был членом бюро еврейской секции Самарского губкома РКП (б).

В марте 1920 г. Ю.Р. Закгейм демобилизовался и стал работать в Самарском губоно: инструктором, заведующим подотделом наименьшинств, помощником заведующего школьным подотделом, заведующим политсекцией губсоцвоса (т. е. – социального воспитания) [5]. В июле 1921 г. он был переведён в Москву в Наркомат просвещения на должность инструктора совнацмена Главпрофобра.

В октябре 1922 г. Ю.Р. Закгейм поступил в Академию коммунистического воспитания им. Н.К. Крупской. В июне 1924 г. окончил Академию и с октября 1924 г. по октябрь 1928 г. преподавал исторический материализм в Московском институте инженеров транспорта. Следует заметить, что в первой половине 1920-х гг. все философские дисциплины объединялись в учебные курсы исторического материализма. Преподаватель исторического материализма включал в свой курс темы по диалектике, теории познания, истории философии.

В октябре 1925 г. Ю.Р. Закгейм был направлен в Московский университет ассистентом по курсу исторического материализма для физико-математического факультета. В октябре 1926 г. он стал ассистентом кафедры истории и философии естествознания, где и проработал до своего ареста. С февраля 1927 г. руководил семинаром, в октябре 1928 г. стал старшим ассистентом, в октябре 1929 г. – доцентом. По совместительству с февраля 1930 г. он работал доцентом кафедры диалектики природы зоологического отделения биофака МГУ. Советские философы того времени отличались тем, что участвовали в непосредственной научно-исследовательской работе одновременно с философскими занятиями. Это был совершенно новый для России феномен, когда философы работают на передовых участках конкретных наук и параллельно подвергают полученные результаты философскому осмыслению. Ю.Р. Закгейм проводил исследования в области рефлексологии животных в научно-исследовательской лаборатории экспериментальной биологии Коммунистического университета имени Я.М. Свердлова. С введением в СССР учёных званий 4 ноября 1935 г. был утверждён учёным советом МГУ в звании доцента.

Преподавал он историю и философию биологии. «Рассматривая какой-либо период, будь то XVI или XVIII век, он старался, чтобы студенты вжились в эту эпоху, почувствовали её быт, религию, искусство» [1, с. 238]. Водил студентов на концерты, на выставки живописи изучаемой эпохи. Студенты очень любили его.

Он выполнял также административную работу: с июня 1930 г. – секретарь деканата физмата, с августа 1930 г. по 1931 г. – зам. декана биофака по учебной части, а с 16 августа по 1 сентября 1930 г. исполнял обязанности декана биофака МГУ.

Преподаватель философии был обязан заниматься пропагандистской работой. С 1928 г. Ю.Р. Закгейм руководил семинаром по диалектическому материализму для научных сотрудников Института охраны материнства и младенчества, бригадой в Обществе биологов-материалистов. В руководстве кружком диалектики природы для научных сотрудников НИИ зоологии МГУ он «выказал большую научную эрудицию и способность к оригинальному мышлению» [2].

На биофаке МГУ он вёл кружок по философии естествознания. В кружок записалось 70 студентов. Ю.Р. Закгейм учитывал характер аудитории и разбирал со студентами не «чистую» философию, которая была бы для студентов-биологов слишком суха и абстрактна, а рассказывал о философских проблемах на материале биологии. Когда он из-за занятости передал ведение кружка студенту-третьекурснику историко-философского отделения, посещаемость кружка сразу снизилась до срока человек [6].

Сферой научных интересов Ю.Р. Закгейма как историка и философа науки была история физиологии, в особенности развитие физиологии нервной системы в XVII и XVIII вв. Член-корреспондент АН СССР, выдающийся советский философ Б.М. Гессен писал в своём отзыве о Ю.Р. Закгейме: «Во всей своей работе т. Закгейм проявил себя как исключительно добросовестный и преданный работник и хороший организатор. Стоит на уровне современной науки. Прекрасный и опытный педагог» [2, л. 30]. Наш известный историк генетики, А.Е. Гайсинович, тогда начинавший свой путь в науке, подарил Ю.Р. Закгейму свою первую книгу с дарственной надписью.

В 1930–1933 гг. Ю.Р. Закгейм учился в аспирантуре кафедры физиологии животных Института зоологии МГУ. Он подготовил диссертацию «Очерк развития физиологии (от античности до XIX века)». В диссертации были выделены этапы развития физиологии, господствующие мировоззрения на том или ином этапе, сделан ряд обобщений. Специально рассмотрена эпоха Гарвея, возникновение и развитие проблемы раздражимости в физиологии. Видна была большая работа автора над источниками. В 1935 г. за эту диссертацию учёный совет МГУ присвоил ему учёную степень кандидата биологических наук [1, с. 237].

Сотрудники кафедры истории и философии естествознания подготовили к печати несколько фундаментальных работ – исследований, хрестоматий, публикаций источников – по истории науки Нового времени. К несчастью, последовавшие аресты привели к тому, что ничего из этого не увидело свет. В частности, о работах, написанных Ю.Р. Закгеймом, мы

можем судить только по упоминаниям в личном деле. К январю 1936 г. он закончил монографию «Развитие физиологии высшей нервной деятельности в XVIII веке». Сдал в печать статью «Пути развития физиологии». Написал вводную статью к разделу «Физиология XVII и XVIII веков» для кафедрального сборника «История и философия биологии». Вёл научно-исследовательскую работу, готовя по классическим источникам издание «Материалов и документов по истории биологии».

Но всё же чудеса случаются. В личном деле Ю.Р. Закгейма в архиве МГУ сохранилось введение к его диссертации [2, л. 43–86]. Обычно все материалы репрессированных изымались после ареста, а потом «как не имеющие отношения к делу» уничтожались. За всю мою практику это единственный случай, когда удалось найти оставшееся в личном деле после ареста сочинение репрессированного.

10 марта 1936 г. Ю.Р. Закгейм был арестован. При аресте нашли книги Л.Д. Троцкого, Г.Е. Зиновьева, Е.А. Преображенского, что считалось тяжёлой уликой. Университетская газета приветствовала «разоблачение» «врагов» и «вредителей» – философов биологии из МГУ М.Л. Левина, Ю.Р. Закгейма, С.Я. Турецкого [3; 4]. «Доблестные труженики» НКВД фабриковали в это время «заговор» очередной «контрреволюционной троцкистской террористической группы» из философов. В неё включили известных тогда философов А.А. Мусатова, И.К. Федотова, Я.А. Фуртичева, Н.Е. Мильгевского, А.П. Загорулько, М.Г. Смирнова, Г.Ф. Дмитриева, В.М. Домрачёва, Я.С. Розанова, М.А. Нырчука, А.С. Арутюнянца, С.Ф. Лившица и присоединённых к ним по известному методу «амальгамы» других несчастных.

Ю.Р. Закгейм был записан в «заговор» как участник террористической группы, который готовил покушение на Сталина. Ю.Р. Закгейм надеялся сохранить себе жизнь, признав обвинение в заговоре, но отрицая подготовку покушения на Сталина. Но варианты тактики поведения в этой ситуации не меняли предрешённого исхода. В заготовленном палачами «сценарии» было написано, что Закгейм должен был «проследить время и место проезда Сталина по городу» и что Закгейм «во время посещения своих родственников, проживающих на Арбате, лично видел, что Сталин проезжает на машине по ул. Арбат» [7, л. 25]. Следователи не утруждали себя разнообразием и не искали правдоподобия: в скольких уголовных делах фигурирует эта нелепая «версия»? Удивительно другое, что никто из тысяч погибших не попытался на самом деле претворить её в жизнь.

В нечеловеческих условиях заключения у человека оставался небогатый выбор: погибнуть самому или, погибая, вовлечь других. И сколько будет этих других! Следствие добивалось от Ю.Р. Закгейма показаний на его коллегу по кафедре С.Я. Турецкого. Ю.Р. Закгейм «признал», что «вербовал» Турецкого, но тот, мол, от «вербовки» категори-

чески отказался. Ю.Р. Закгейм сделал, таким образом, всё, что мог, чтобы спасти С.Я. Турецкого от ареста, но тот всё равно был обречён.

Важнее другое. Через всё уголовное дело Ю.Р. Закгейма проходит сюжет о том, что он завербовал несколько своих студентов в террористическую группу. Пункт об этом вошёл даже в смертный приговор. Но вопреки практике НКВД никаких имён в обвинительном заключении не названо. Потому что их не назвал Ю.Р. Закгейм. Каких страданий, каких новых пыток и издевательств это ему стоило – мы не узнаем. Несомненно одно. Своей смертью Ю.Р. Закгейм спас жизни нескольких своих студентов.

В семье Закгеймов сохранялась старинная грамота, в которой рассказывалось о происхождении фамилии. В ней говорилось, что «в семнадцатом веке в местечке Ружаны перед пасхой нашли труп христианского младенца. Ружанскую еврейскую общину обвинили в ритуальном убийстве. Влиятельный князь, которому принадлежало это местечко, заявил, что сотрёт с лица земли всю общину, если в трёхдневный срок не выдадут убийц. Трое суток день и ночь вся община молилась в синагоге о спасении, а наутро четвёртого дня два старика пошли к князю и признались в убийстве. Стариков повесили на воротах замка. Община составила две грамоты и выдала их семьям убитых. В грамоте удостоверялось, что старик не является убийцей, что он отдал свою жизнь для спасения общины, что в синагоге в Ружанах о душе его будут молиться вечно, а семья его получит фамилию Закгейм, что означает “семя его священо”. Род его должен продолжаться во веки веков» [1, с. 242–243]. Случилось так, как было записано в старинной грамоте: Закгейм своей смертью спас жизни других людей.

4 октября 1936 г. Юдель Рувимович Закгейм был расстрелян. Жена Ю.Р. Закгейма Ольга Львовна прошла тюрьмы, лагеря и ссылки. Она оставила книгу воспоминаний «Путь», в которой запечатлена правда о преступлениях сталинизма. Сын и дочь Ю.Р. Закгейма живы. Их удалось разыскать и встретиться с ними. Сын Александр Юделевич – кандидат технических наук, профессор Московского института тонкой химической технологии. Для настоящей публикации он поделился воспоминаниями об отце.

ПАПА

А.Ю. Закгейм

Ни в моей семье, ни в семье моей жены никогда, кроме случаев официальных, не употребляли слов «мать» и «отец». Только мама и папа. Рассказ мой пойдёт о папе, Юделе Рувимовиче Закгейме.

Я плохо помню его: когда его арестовали, мне только что исполнилось шесть. Но рассказы о нём и те немногие документы, которые до

меня дошли, рисуют его как человека исключительных способностей и замечательной души.

Родился он в 1898 г. в Витебске. Детство было безоблачным. Что такое еврейская любовь к единственному мальчику в семье – это особый феномен, для определения которого слово обожание бледно и невыразительно. Лет 20 назад я раздобыл у моей тётки его фотографию в возрасте приблизительно четырёх лет. Красавчик, взлелеянный в семье.

Дальше пошло так. Лет до тринадцати он почти совсем не знал русского языка. Но всё же смог поступить в гимназию. Сохранился табель успеваемости за первый класс. Пятёрки по всем предметам, только по русскому языку «три». И при таком старте он окончил восьмилетний курс гимназии за четыре года, каждый раз перескакивая через класс. Впоследствии всех, чьи отзывы я знаю, поражал его безукоризненный и богатый русский язык. Плохо знаю о его владении другими языками. Идиш был его родным языком. Насколько могу судить, он в какой-то степени владел и ивритом. Читал по-немецки и по-французски. В дальнейшем в своей научной работе использовал латинские источники. Любопытно, что нигде в его документах не упоминается о владении английским – этот язык стал важен в культуре только впоследствии.

Наступил 1914 год. Семья эвакуировалась в Самару. В Самаре он встретил революцию. В автобиографии есть упоминание о том, что в краткое время власти белых (длившееся в Самаре 4 месяца в 1918 г.) его мобилизовали рядовым в армию. Но никаких подробностей не имеется. Очевидно, этот эпизод был мимолётным. Гораздо достовернее данные анкеты 1921 г., где папа пишет, что с конца 1916 г. он участвовал в социалистических кружках учащейся молодёжи, а в апреле 1919 г. вступил в Российскую социалистическую рабочую партию интернационалистов, которая именно в апреле вошла в РСДРП большевиков, так что стаж в компартии считался ему с этого момента.

Анкета содержится в материалах, о которых я узнал в 2011 г. от сотрудника Института философии РАН Сергея Николаевича Корсакова, занимающегося судьбами репрессированных философов. Материалы хранятся в Российском государственном архиве социально-политической истории. Это переписка между Центральным комитетом РКП (б) и Самарским губернским комитетом партии. Центр требует откомандировать Закгейма из Самары в Москву для работы в бюро коммунистических ячеек всех высших учебных заведений Москвы, а Самара отвечает, что Закгейм ей самой необходим. Он является заведующим политсекцией национальных меньшинств Губсоцвоспитания. В этих материалах содержатся некоторые подробности о его деятельности в первые послереволюционные годы. В 1917–1919 гг. заведовал библиотекой, потом – библиотечной секцией Политуправления, с марта 1921 г. – заведующий политсекцией Губсоцвоспитания. В анкете он написал, что знает две специальности: библиотечное дело и социальное воспитание. Созданные в начале

20-х гг. отделы соцвоспитания занимались широким кругом вопросов – ликвидацией неграмотности, борьбой с беспризорностью и детской преступностью, организацией школ для национальных меньшинств. Так что папа был близок к центру важных функций новой власти.

Переписка велась с октября 1920 до июля 1921 г. Видимо, Самарскому губкому очень не хотелось отпускать ценного работника. Приводились разные доводы: отсутствие заместителей, назначение в г. Мелекесс. Но центр перевесил. Папа – в Москве. Главный аргумент: необходимость возврата в вузы студентов-коммунистов.

Дальнейший мой рассказ основывается на материалах из архива МГУ и на маминых воспоминаниях. Дело папы в архиве нашёл тот же С.Н. Корсаков, которому я глубоко благодарен. Там содержатся несколько автобиографий и анкет, позволяющих проследить его жизнь. Папа поступил в Московскую академию социального воспитания имени Н.К. Крупской – одно из новых высших педагогических учебных заведений, сохранившееся до наших дней в форме Московского областного педагогического университета. Проучился там недолго, с 1922 по 1924 год. Произошедшее потом напоминает анекдот, но маме не было свойственно стремление приукрашивать события. По её словам, папу вызвали в ректорат и сказали, что его успехи позволяют считать его усвоившим курс академии и ему поручается ответственная работа. Среди преподавателей академии – достаточно много серьёзных специалистов, лояльных Советской власти, но, обучаясь ещё до революции, они не знакомы с философией марксизма. И Закгейму поручается разработать и прочесть для старой профессуры курс лекций по марксизму. Фантастика! Но это было. Официальное удостоверение из архива подтверждает, что, проучившись 2 учебных года, он, согласно решению комиссии по академической проверке, может быть откомандирован на работу. Впрочем, почти то же самое было у Ф. Ницше, который в бытность студентом официально стал профессором философии, так что прецедент имелся.

Удивительно ещё вот что. Как написано в анкете, заполненной после ареста в 1936 г., в партии папа состоял до 1922 г. Выбыл, как писалось тогда, механически, в автобиографии сказано, что по болезни (болел во время перерегистрации). Моему поколению это невероятно трудно понять. Уже лет через десять уход из партии воспринимался как либо преступление, либо величайшее несчастье. В начале двадцатых годов всё обстояло куда проще. На мои расспросы мама сказала, что причиной его выхода из партии стала принадлежность к «рабочей оппозиции». При этом должен заметить, что этот факт не сказался на дальнейшей научной карьере папы.

После академии он работал в Московском институте транспорта на кафедре общественных наук, а затем – в МГУ на кафедре истории и философии естествознания биологического отделения физико-математического факультета; в последний период он был и заместителем

лем декана биофака. Одновременно работал в Институте экспериментальной зоологии.

Важное отступление. Двадцатые годы, когда начиналась папина творческая работа, были временем удивительно противоречивым. И позднейшие оценки состояния культуры в эту эпоху тоже противоречивы, вплоть до диаметрально противоположных предыдущим. При советской власти оценки были восторженными. Ликвидация неграмотности, расцвет культуры. Жизнь хороша, и жить хорошо. После 1991 г. оценки радикально изменились. Всё обстояло для жизни культуры тяжело и печально. Идеологический пресс (сейчас даже странно и жутко подумать: Н.К. Крупская запретила гениальные детские сказки К.И. Чуковского), разрыв культурного сообщества на тех, кто в эмиграции, и тех, кто остался, «философские пароходы»... Жестокое преследование тех, кто отклонялся от «единственно верной идеологии».

Реальность не укладывается ни в ту, ни в другую схему. Эта эпоха в развитии отечественной культуры сочетала в себе черты, казалось бы, несовместимые. Помимо тех гнетущих условий, о которых я уже сказал, все обстоятельства жизни были невероятно тяжкими. Только что закончились две страшные войны – Мировая и Гражданская; голод; эпидемии, унесшие миллионы жизней (по данным Википедии, в России потери убитыми на фронтах составили по разным оценкам от миллиона до полутора миллионов человек, ещё около миллиона – в Гражданскую войну, умерло от голода в 21 – 22 г. около пяти миллионов, умерло от «испанки» около трёх миллионов и столько же от сыпного тифа)

И в этих условиях – бурный рост культуры. При этом ярко проявилась важная особенность расцвета культуры: он чаще всего происходит одновременно и в науке, и в искусстве. Здесь можно только пунктиром упомянуть о великих достижениях двадцатых годов, причём постараюсь говорить только о тех творцах, чей личный расцвет пришёлся именно на эти годы, хотя и многие, начавшие раньше, внесли огромный вклад в общее дело (вспомним хотя бы И.П. Павлова, В.И. Вернадского, А.А. Ахматову, О.Э. Мандельштама, В.В. Кандинского, В.Г. Шухова, С.С. Прокофьева, К.С. Станиславского – многих можно вспомнить). Но молодые, к которым принадлежал и папа, всё же в заметнейшей степени определяли культурную атмосферу. При этом основная масса молодых воспринимала революцию как первый шаг к светлому будущему, и это определяло и их энтузиазм, и трагедию дальнейшего прозрения.

В искусстве это были (прошу прощения за крайне скудный список) В.В. Маяковский, Б.Л. Пастернак, А. Платонов, С.А. Есенин, К.И. Чуковский, С.Я. Маршак, Д.Д. Шостакович, М.З. Шагал, К.С. Малевич, С.М. Эйзенштейн, Дзига Вертов, Л.О. Утёсов, К.С. Мельников. В науке – школа математиков во главе с Н.Н. Лузиным; физики, воспитанные А.Ф. Иоффе; блестящая группа генетиков в биологии: Н.И. Вавилов, Н.К. Кольцов, С.С. Четвериков,

Н.В. Тимофеев-Ресовский; в лингвистике и литературоведении – Р.О. Якобсон, В.Б. Шкловский, М.М. Бахтин; в психологии – школа Л.С. Выготского. В целом ряде научных направлений основополагающими явились открытия А.Н. Колмогорова, А.А. Фридмана, Н.Н. Семёнова, Н.И. Вавилова.

Расцвет продолжался приблизительно до 1928–1929 гг. Затем Сталин решил, что культура сама по себе опасна, потому что действительно культурный человек не может не мыслить самостоятельно. Как всегда, «эффективный менеджер» стал действовать решительно, не гнушаясь ложью, убийствами, жестокостями, подлостью. На рубеже 20-х и 30-х гг. был организован ряд сфальсифицированных судебных процессов, большинство обвиняемых в которых были представителями интеллигенции: Шахтинский, процесс Промпартии, процесс академиков, процесс Трудовой крестьянской партии. Затем метла сталинского режима по очереди стала выметать из жизни учёных разных областей. Как представляется, до философов в основном дело дошло в 1936 г. – папа был в числе первых погубленных.

Но в двадцатые годы и даже в первой половине тридцатых он с успехом работал. В архиве МГУ сохранился машинописный текст его работы, похоже, это черновик вступления к кандидатской диссертации. К сожалению, ссылки на источники отсутствуют, и судить о работе можно только собственно по тексту. Это чрезвычайно широкий обзор эволюции научных взглядов на физиологию. Обзор начинается Гиппократом и кончается рубежом XIX в., работами Гальвани и Вольта. Диссертация была защищена, папа стал доцентом. Вряд ли в папиной работе содержались крупные научные открытия. Хотя дальнейшая запланированная работа по развитию физиологии высшей нервной деятельности в XVII – XVIII вв. сулила исследование многих малоизученных вопросов. Но первое упоминание о перспективе такой работы я нашёл в автобиографии, датированной 1934 г., – оставалось слишком мало времени до гибели.

Однако главным занятием папы было преподавание. Преподавание философии (увы, время диктовало маскировку всех философских вопросов под диалектический и исторический материализм). Преподавание истории науки. Преподавание в учебных потоках, в многочисленных семинарах и кружках. Здесь необходимо разъяснить вот что. Да, на рубеже 20-х и 30-х гг., да и позже, в СССР любое отклонение от того, что официально называлось марксизмом-ленинизмом, рассматривалось как вредная ересь или даже вредительская политика. Но нельзя забывать, что Маркс как-никак был настоящим мыслителем, хотя, разумеется, не безошибочным. И преподаватель диамата и истмата мог построить своё изложение так, что крайности марксизма-ленинизма лишь немного мешали сообщению и обсуждению серьёзных философских вопросов.

Мне выпало лишь мимолётное и очень давнее знакомство с теми, кто учился у папы. Почти ничего не помню, кроме одного: все отзывы

были восторженными. Для характеристики стиля его преподавания приведу рассказ мамы. Предположим, изучалась тема: взгляды на высшую нервную деятельность в XVII в. Вначале папа проводил экскурсию в Музей изобразительных искусств, во время которой на профессиональном уровне рассказывал об эволюции искусства в этом веке, её связи с эволюцией философии, о смене стилей, ведущей тематики. А потом на лекции использовал эти знания, увязывая их с развитием науки. От попытки распространить папин опыт на практику других преподавателей пришлось отказаться, почти ни у кого не оказалось такой ширины взглядов, которая для Закгейма была естественной.

Всё складывалось замечательно. Горячо любимая жена, в 1930 г. родился сын, в 1931 – дочь. Диссертация защищена, в должности доцента утверждён, работа – главная отрада творческого человека – продвигается успешно. Я уже сказал о рабочих планах: исследование развития взглядов на высшую нервную деятельность в XVII – XVIII вв., в интереснейшую эпоху, когда работали Ф. Бэкон, Т. Гоббс, Р. Декарт, Б. Паскаль, Б. Спиноза, Дж. Локк, Г.В. Лейбниц, Г. Галилей, Ж. Даламбер, Дж. Беркли, Д. Дидро, И. Кант – список поневоле неполный.

Дома царила душевная теплота. Любимые увлечения – живопись, музыка. Сестра мамы Полина Львовна была певицей и педагогом - вокалистом. Она говорила, что папа, не обладавший профессиональным голосом, за счёт музыкальности мог бы исполнить неплохой концерт. Из того немногого, что я помню о нём, одно из любимых воспоминаний – как он пел классическую музыку. Запомнил три произведения: «Бурный поток, чаща лесов» Шуберта, «Не осенний мелкий дождичек» Глинки, песню Варяжского гостя Римского-Корсакова. А вот голос забыть, помню только, что был баритон.

Моя сестра помнит ещё меньше, в момент ареста папы ей было только четыре с половиной года. Но помнит, что, когда была простужена и ей ставили горчичники, она терпела их только, если папа носил свою дочку на руках. И у меня воспоминание: я хвораю корью, у меня болит горло, но папа отнёс меня в родительскую кровать, и охватившее меня чувство уюта смягчает боль.

Нет, не был папа идеальным. У мамы в книге ясно написано: миф о том, что страна переживает трудный, но необходимый этап на пути к светлому будущему, ещё владел им. Но некоторые фразы, содержащиеся в протоколах допросов, говорят о том, что он не одобрял многое, связанное с экономической политикой. Конечно, значительная, а иногда и подавляющая часть того, что приписывалось подследственному на допросах, принадлежала не ему, а следователям. Но ряд высказываний слишком проникнут духом науки, и хочется чему-то в них верить. Верить ещё потому, что эти вопросы не входили в главный сюжет обвинения, и следователям не стоило слишком стараться. Вот изложение сомнений папы в протоколе допроса А.А. Мусатова: «Закгейм утверждал, что политика

коллективизации неправильна, что колхозы не рентабельны, что строительство крупных промышленных гигантов, на которые затрачивается невероятно большое количество средств, идёт беспланово, «строят, чтобы строить», а в результате приходится эти гиганты консервировать».

Какой сюжет приписывали группе троцкистов-зиновьевцев? Преступная террористическая организация, решившая перейти к индивидуальному террору и, разумеется, первой жертвой избравшая товарища Сталина. Главой организации следствие назначило Андрея Алексеевича Мусатова. Ровесник папы, преподававший в институтах Нижнего Новгорода и Москвы. Мама рассказывала о нём удивительную историю. В 1918 или 1919 г. Ленин выступал на каком-то провинциальном заводе и предложил принять резолюцию. Тогда выступил молодой парнишка Мусатов и предложил иную резолюцию, причём говорил настолько убеждённо, что именно его резолюция была принята. Ленин сказал, что юноша, разумеется, путаник, но видно, что думающий и способный, и рекомендовал ему учиться в университете. С папой Мусатова связывали приятельские отношения, и он довольно часто бывал в нашем доме.

Здесь несколько слов о доме. Мы жили в конце Новой Божедомки, теперь это улица Достоевского, на углу площади Борьбы (прежде – Александровской). Дом стоял в глубине двора. Дом деревянный, не помню, двух- или трёхэтажный. Мы жили на первом этаже. Не помню, отдельная ли была у нас квартира или была ещё одна семья. Кажется, всё-таки квартира была отдельной – удивительная роскошь по тем временам. У нас были две комнаты – проходная, в которой в основном жили мы с сестрой Эллой, и родительская спальня, которая, впрочем, днём была и детям доступна. Была кухня и ванная. Из обстановки запомнились только два предмета. Кресло-качалка, которое и сейчас стоит в нашей квартире, и любимая игрушка – конь Васька на колёсах.

Вернусь к трагической истории 1936 г. С 19 до 24 августа проходил процесс Зиновьева, Каменева и др. Так что «обвинения» группе Мусатова оказались донельзя своевременными. Следствию оставалось их «доказать». Методы «доказательств» хорошо известны.

Из рассказов мамы. Две цитаты из её книги «Путь». Сокамерница рассказывает маме об очной ставке с Мусатовым (в книге он назван Муратовым, ему 36 лет). «Меня ввели в кабинет следователя. Там сидел какой-то седой старик с бегающими глазами. Только когда он заговорил, я узнала Муратова». Как выглядел папа, мама не узнала. Но следователь показал ей протокол допроса, подписанный его рукой, «где на вопрос, был ли он троцкистом, муж ответил: «Да». – Как это может быть! – воскликнула я. – Это неправда! – Это, конечно, правда, но он уж нас помучил, пока мы добились от него признания! – При этом следователь как-то криво усмехнулся, и я поняла, что мужа моего истязали, били, если он подписал такое... Потом я поняла одну вещь, и она напол-

нила меня гордостью за него и любовью: на меня-то он ничего не показал, как с ним ни бились следователи, как его ни терзали».

Положение узников утяжелялось ещё тем, что Мусатов придерживался тактики, встречавшейся среди части арестованных. Он очень быстро «признавался» в любых чудовищных преступлениях и давал показания на тех, кого ему называли. Что им двигало – желание избежать пыток? или фантастическое рассуждение: дескать, когда число обвиняемых превысит все разумные пределы, власть будет вынуждена одуматься? Или и то, и другое? Не знаю. Но на прочих, привлекаемых по тем же делам, это сказывалось ужасным образом. Не могу обвинять несчастного, пытки были чудовищными, но участь остальных становилась ещё безнадежнее.

Передо мной – копия протокола очной ставки между Мусатовым и папой. Это 2 июня 1936 г. Папа уже «признал» своё участие в контрреволюционной организации. И всё время очной ставки он отказывается от следующего ужасного обвинения – участия в подготовке террористических актов против Сталина. А Мусатов раз за разом настаивает на этом. Приводит аргументы – родители папы проживают на Арбате, по которому ездит Сталин, и папа якобы сообщал ему об этих поездках. Другое обвинение – вербовка в троцкистскую организацию нескольких студентов и преподавателя Турецкого. Папа отчаянно защищается. Говорит, что пробовал привлечь Турецкого к организации, но тот отказался. А вовлечение студентов признаёт, но не называет их фамилий ни Мусатову, ни следователям: ни одной фамилии в протоколе не содержится, их нет также ни в обвинительном заключении, ни в приговоре. Причём в приговоре формулировка вообще противоречива, утверждается, что это были студенты Горьковского пединститута, к которому папа не имел отношения.

Суд состоялся 3 октября 1936 г. Военная коллегия Верховного суда СССР. Председатель – один из крупнейших палачей В.В. Ульрих, армвоенюрист (в близком будущем – генерал-полковник). Приговор – расстрел.

18 сентября 1936 г. папе исполнилось 38 лет. 4 октября его убили.

Мы получили фальшивое свидетельство о смерти якобы в 1940 году от сердечного приступа. Куда-то оно затерялось, но и искать его не хочется. А в архиве МГУ добросовестно хранится заявление сестры Лии о выдаче справок о работе для установления пенсии папиному отцу. Август 1956 г., папа уже реабилитирован, но на заявлении – резолюция учёного секретаря: «Сведений нет». Заявление с этой позорной резолюцией хранится рядышком со всеми документами, нужными для выдачи справок.

Поучительна история отыскания папиной могилы. По данным Википедии, с 1918 по 1938 год в ЦК ВЛКСМ было семь генеральных или первых секретарей. Шестеро из них были расстреляны, одному – Александру Мильчакову – повезло. Он получил всего (!) 16 лет и после

реабилитации смог вернуться. Его сын, тоже Александр, учился со мной и моей сестрой в Менделеевском институте. Потом стал журналистом. И в конце 80-х гг. одним из первых стал заниматься поиском мест захоронения расстрелянных. Обнаружилось следующее. В разгар убийств хоронить жертвы было хлопотно. Поэтому часть их ночами тайно привозили в крематорий и после кремации ссыпали прах в могилу невосребованных прахов. Среди их имён Саша Мильчаков увидел фамилию папы. Нашу фамилию он знал, нашёл телефон и рассказал мне об этом. Так мы узнали, где папина могила. Правда, туда помещено столько останков людей, некоторые из которых были и членами Политбюро ЦК, и маршалами Советского Союза, и руководителями иностранных компартий... И всем родные хотят поставить памятные таблички. Так что мы решили не тесниться и перенесли папину табличку на могилу мамы.

Странно признаться, и я делаю это впервые. Но почти до тридцати лет у меня в душе существовал глубоко запрятанный уголок, где я надеялся, что папа жив, что приговор «десять лет без права переписки» очень редко, но мог не означать расстрела. И в дремотных мечтаниях я представлял, как где-то в далёкой командировке повстречаю его. Наивно...

Список литературы

1. Адамова-Слиозберг О. Л. Путь / вступ. ст. М. Чудаковой. 4-е изд. М. : Возвращение, 2012. 269 с.
2. Архив МГУ. Ф. 1. Оп. 34. Д. 3029.
3. Загребный П. Ликвидация последствий вредительства в Институте ботаники, зоологии МГУ и на биологическом факультете // За пролетарские кадры (Москва). 1937. 22 апреля.
4. Победоносцев А. В плену у врага // За пролетарские кадры (Москва). 1937. 17 июня.
5. Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 100. Д. 127211.
6. Т. «Чистая» философия // Первый университет (Москва). 1930. 20 февраля.
7. Центральный архив ФСБ РФ. Д. 3257.

MEMORIES OF U.R. ZAKGEJM

S.N. Korsakov

Institute of Philosophy of RAS, Moscow

Udel Ruvimovich Zakgejm – one of the soviet philosophers. He worked at the Moscow State University as the associate professor of the Department of history and philosophy of natural science. In 1936, he was arrested and executed. The memoirs of A. U. Zakgejm's son are published for the first time.

Keywords: *U.R. Zakgejm, history of philosophy, Moscow State University, Stalinism.*

О публикаторе:

КОРСАКОВ Сергей Николаевич – доктор философских наук, доцент, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт философии РАН, г. Москва. E-mail: snkorsakov@yandex.ru

Authors information:

KORSAKOV Sergey Nikolaevich – Ph.D, Assoc. Prof., Leading Researcher of the Institute of Philosophy of PAS, Moscow. E-mail: snkorsakov@yandex.ru